

Ж. ХЕТЕНИ

Мифологемы в «Наводнении» Е. Замятина*

Повесть Замятина «Наводнение» заслуживает особого внимания уже по своему биобиблиографическому положению в творчестве писателя: это, по видимому, одно из последних его произведений, завершённых в России, и, кроме того, оно написано непосредственно перед его очень важным свидетельством о своем творчестве — «Закулисы». В «Закулисах» мы находим немало конкретных примеров из этой повести и такую ее оценку: «Все сложности, через которые я шел, оказывается, были для того, чтобы прийти к простоте» («Ёла», «Наводнение») (с. 471)¹.

В этом смысле перед нами итоговое произведение, и автор это предчувствовал перед окончательным отъездом из России. Он сам указал на двуплановость центрального образа («реальное наводнение и душевное наводнение»), в общее русло которого «вливаются все основные образы»². В самой повести образы связаны не только ассоциациями, но и обнаженными приемами: «вода в Неве подымалась, и будто связанная с Невой подземными жилами — подымалась кровь» (с. 479)³; «Тучи не за окном, а в ней самой» (с. 489). С предельной простотой высказана и связь беременной женщины и плодородия земли: «Живот был круглый, это была земля. В земле, глубоко, никому не видная, лежала Ганька, и в земле, никому не видные, рылись белыми корешками зерна» (с. 495). И здесь еще одна параллель:

* Впервые: Новое о Замятине: Сб. М., 1997. С. 9–20. Публикуется по этому изданию.

¹ Замятин Е. Сочинения. М.: Книга, 1988. С. 471.

² Там же. С. 470.

³ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989, — с указанием страниц в скобках.

бинарная оппозиция смерти и рождения, которая несет в себе мотив возрождения. Этот мотив подтверждается многократно: например, состояние героини при убийстве девочки и во время родов описано теми же словами. Чрезвычайно важно оттеняет развитие образов чередование времен года, вечное, цикличное возвращение и возрождение природы. Структуру и некоторые значения образов показал В. Шмид в статье о мифологическом мышлении в орнаментальной прозе. Подчеркивая особенности этого мышления, единство земного и божественного, имени и вещи, человека и природы, смерти и рождения, он показывает новомифологические лейтмотивы в повести. Однако при анализе «изоморфных структур сознания»⁴ конкретных мифов он не называет, хотя они, на мой взгляд, присутствуют на заднем плане повести и требуют ответа на вопрос, есть ли в повести какой-то посыл, вытекающий из наличия не только логики мифа, но и мифологических образов. В «Закулисах» Замятин повторяет свои слова об Анненкове: «Сегодняшний читатель и зритель сумеет договорить картину, дорисовать слова — и им самим договоренное, дорисованное — будет врезано в него неизмеримо прочнее, встет в него органически. Здесь — путь к совместному творчеству художника и читателя или зрителя»⁵. Кажется, что, кроме несомненных и очевидных мифологических элементов, в «Наводнении» есть параллели с конкретными мифологемами, которые помогают в этом «додумывании» повести.

Исходная ситуация повести, бездетность, была использована в более ранних произведениях Замятина по-разному. В сказовом рассказе «Алатырь», по логике фольклорно-сатирического жанра, жители города раньше были черезчур плодовиты, и губернский начальник сглазил, похвалив их за то, что родили тысячу будущих солдат. В стилизации «О том, как исцелен был инок Эразм» лубочно-сказочный жанр следует правилам чудес в житиях: рождение Эразма запаздывает именно для того, чтобы он был зачат и рожден особенным образом. Чем же объяснить бесплодие Софьи? Казалось бы, по правилам жанра психологической повести нужно искать психологическую причину. Отыскать ее почти невозможно, разве что в том, что Софья открывается и отдается целиком мужу только после убийства Ганьки. Даже анализ явных аллюзий на Достоевского, справедливо отмечающий, что после рождения дочка Софья должна еще родить свое признание

⁴ Schmid W. Mytisches Denken in «Ornamentaler» Prosa. Am Beispiel von Zamjatin's «Überschwemmung» // Mythos in der slawischen Moderne. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 20. 1987. P. 394.

⁵ Замятин Е. Соч. С. 470.

в преступлении, не отвечает на этот вопрос⁶. И не может ответить — ведь по канонам морали немислимо, чтобы предварительным условием счастья было преступление или чтобы наказание (бездетность) было отменено за преступление, и вообще чтобы преступление как-то награждалось. Требуется другой подход.

Ребенок — это подарок судьбы, который нужно выстрадать любой ценой. Треугольник «Софья, ее муж и девочка» во многом повторяет библейскую историю Аврама, Сары и Агари. Сара разрешила своему мужу «взять в жену» свою служанку (Быт 16), чтобы они имели детей. Агарь, как и Ганька, начинает презирать свою старшую соперницу, которая впоследствии ее выгонит. Спрашивать, почему Аврам и Сарра не имели детей, имеет смысл чисто экзегетический. Ожидание и страдание играют здесь, как и в истории Иакова и Рахили, чрезвычайно важную роль (кстати, бездетность повторяется и у Рахили). С точки зрения текста этот исходный пункт — обязательный элемент образца, миф именно так построен, история Аврама и Сары в такой форме передается и остается уже много веков. С этой точки зрения она мифологична, поэтому (хотя очевидно, что долгое ожидание в бездетности увеличивает «цену» жертвы Исаака — и нет ли в убийстве Ганьки отголоска этой жертвы? — и показывает силу Бога) здесь эта бездетность не подлежит вопросу и анализу: по определению К. Керени, «миф беспричинен»⁷ При этом понятие преступления или морали возникает несколько иначе, чем в представлении читателя в XX веке: вспомним, что Аврам дважды солгал, что Сара не его жена, и вошел к Агари, чтобы иметь детей. (Что касается психологии этой ситуации, довольно часто случается, что бездетные пары рожают собственных детей после усыновления чужого ребенка. В этом смысле Аврам вошел к Агари, чтобы Сара родила от Аврама.) Высшая ценность продолжения рода (жизни), происходящая из ветхозаветной системы ценностей, подчеркивается, с одной стороны, тем, что Софья, как это выражено в повести, — сама земля, но еще сильнее, с другой стороны, в том, что это рождение-возрождение есть и начало жизни. Потому что наводнение — это не просто двуплановая аллегория воды и крови, то есть соков жизни, влаги, но и мировой потоп. Потоп, который стирает с лица земли все, и в первый день на промоченной и вычищенной квартире происходит убийство, как очередной акт «уборки», после которой все начинается с *tabula rasa*, все свежо и чисто (с. 490–491).

Имя Софии — мудрость, греческое слово женского рода, которое в Библии имеет свое древнееврейское соответствие: «хохма», кото-

⁶ Collins Ch. Evgenij Zamjatin. An Interpretive Study. The Hague. 1973. P. 91–94.

⁷ Kerényi K. Mi a mitológia? Budapest, 1988. P. 24.

рое переводится в русской Библии «божественная премудрость». Здесь нет возможности цитировать *in extenso*, ограничимся самыми значительными, с точки зрения Софьи Замятина, словами: «...я была там, когда он проводил *круговую черту* по лицу бездны. Когда давал морю устав, чтобы *воды не переступали пределов* его, когда полагал основания земли... Кто нашел меня, тот нашел *жизнь*... все ненавидящие меня любят *смерть*... Премудрость построила себе *дом*, вытесала *семь столбов* его, *заколола жертву*, растворила *вино* свое и приготовила у себя трапезу...» (Притч 8: 27. 29. 35. 36; 9, 1. 2; курсив мой. — Ж.Х.). Самые поразительные совпадения — число 7 (в повести 7 глав); пределы воды и наводнение, круговая черта и Васильевский остров, жертва и смерть Ганьки, вино и мадейра — даже не нужно комментировать, укажем лишь на роль Софии как строительницы дома, который отделяет и охраняет ее от хаоса. Одна из важнейших черт повести Замятина — то, что в ней почти отсутствуют элементы внешнего мира. «Кругом Васильевского острова далеким морем лежал мир: там была война, потом революция» (с. 479). В этом первом предложении повести почти прямая перифраза библейского отделения условного пространства дома Софии от враждебных сил.

Имя Софии еще более тесно связывает мотивы повести не только с Библией вообще, но и с православием в более узком смысле, и Замятин подчеркивает эту связь тем, что София начинает ходить в церковь. София, «символ теократического принципа», получила большое значение в восточном христианстве. «Софии были посвящены построенные в XI веке три главные русские церкви — в Киеве, Новгороде и Полоцке. На русской почве к XV–XVI векам складывается богатая иконография Софии, она имеет облик ангела, ее лик и руки — огненного цвета, за спиной — два крыла»⁸. София Замятина то и дело уподобляется птице — вероятно, этот образ скорее можно связать с крылатой фигурой Софии на иконах, чем с птицей-хищником («*Raubvogel*»)⁹. Даже ее кровавые руки, первый раз после сна (с. 480), а потом, естественно, после убийства на поле (с. 492), напоминают скорее руки огненного цвета изображений Софии на иконах. «Личный облик Софии как в византийско-русской, так и в католической традиции постепенно сближается с образом девы Марии...»¹⁰, и Мария становится ипостасью премудрости божьей.

⁸ Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 465.

⁹ Schmid W. Mythisches Denken in «Ornamentaler» Prosa. Am Beispiel von Zamjatin's «Überschwemmung». IN: Mythos in der slawischen Moderne. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 20. 1987. P. 392.

¹⁰ Мифы народов мира. Т. 2. С. 465.

Убийство приносит героине Замятина катартическое облегчение «исповеди», «праздника» (с. 490). В этом круге понятий многократно появляющееся в тексте слово «хлеб» с сопровождающими аллегориями «одиноким звездой» (трижды, с. 481) и тем более вина (с. 491) — тоже не символ плодородия и сексуальности¹¹, но Христа. Так дополняется изображение внутреннего очищения, после которого возможно уже долгожданное зачатие. (Вспомним, что в стилизации «О том, как исцелен был отрок Эразм» Эразм был зачат после того, как ее мать съела «благословенной пищи» — рыбы (с. 531)).

Имя Ганьки тоже можно попытаться истолковать. Ганька — это Анна. Это имя, кстати, есть и в рассказе «Ёла», написанном в это же время. Анна в новозаветной традиции была матерью Марии — в этом смысле Ганька с хлебом на коленях может быть словесной иконой. Другая Анна в ветхозаветной традиции — мать пророка Самуила. Она и ее муж были долго бездетными, так же как и мать Марии и ее муж, Иоаким. От стыда, что его жертву не приняли в Иерусалиме, Иоаким удаляется в пустыню, где ему является ангел и предвещает рождение дочери. Анна об этом узнает тоже от ангела, и их встреча перед Золотыми воротами, очень часто представленная в византийской иконописи, считалась в Средние века моментом непорочного зачатия¹².

В то же время мифологический круговорот жизни и рождения неразделимо связывает эти две женские фигуры. Ганька зарыта в землю, как зерно, и эта земля — сама Софья. Она заново рождает эту девочку, которую уже приняла в дочери, но та оказалась соперницей. Перед нами общеизвестная мифологема хтонических богинь, Деметры и Персефоны, и мы уже находимся в области греческой мифологии. Персефона, похищенная Аидом, попадает в подземное царство, где проглатывает зернышко граната, и поэтому должна возвращаться туда снова и снова. Когда ее нет на земле, Деметра лишает природу плодородия — вот один из случаев, когда бесплодие наступает по воле богов. Персефона становится правительницей айда — и в Ганьке есть адская черта: она похожа на мух, которые все время зловеще присутствуют в рассказе. У нее такие же тонкие ноги, как у мух (с. 481, 490). Мухи же — аллегория беса, Велзевула (Ваал Звув — царь мух, властелин мух), аллегория нижнего мира в библейской традиции (Мф 12, 24) так же, как в рассказе Замятина «О том, как исцелен был инок Эразм», где бесы, как мухи осаждают

¹¹ Schmid W. Mythisches Denken in «Ornamentaler» Prosa. Am Beispiel von Zamjatin's «Überschwemmung». P. 386.

¹² Seibert J. ed. Lexikon christlicher Kunst. Themen, Gestalten, Symbole. Herder Verlag, Freiburg in Breisgau, 1980.

блаженного Памву (с. 532). К. Керени указывает на то, что мифологема Деметры не просто миф плодородия¹³. Она, по его мнению, рождает дочь только для того, чтобы в ней обновиться, потому что Деметра — фигура праматери, знаменующая ценность женственности, начало начал. Замятинская Софья к концу повести вмещает в себя из мира все больше и больше, в ней как будто не остается ничего, кроме живота: она не думает, руководится инстинктивными порывами, ее руки существуют вне нее и т. п. Керени же подчеркивает, как часто у греков богини являются в образе птиц (например, волшебница Кирка, солнечная богиня). Он это объясняет тем, что существовало общераспространенное любовное колдовство, при котором нужно было крутить над головой птицу, держа ее за лапки. Имя Кирки — от греческого слова «круг», и таким образом круг, солнце и птица сливаются в один образ. Другая волшебница греческих мифов — внучка солнца, Медея, которая умеет воскрешать мертвых и летать по небу. Любопытно, что именно она способна на детоубийство, причем на убийство собственных детей, из ревности¹⁴. В то же время Деметра — лунная богиня, и ее священное число, 7, совпадает с числом глав в повести Замятина. Замятинская Софья одинаково связана с луной и солнцем («Днем *солнце*, не переставая, *птичьими кругами* носилось над землей»; с. 480); «...ноги замерли, она ждала. Месяц, кутаясь в одеяло, дрожал за окном» (с. 488). Луна в данной повести должна быть ключевым образом, потому что она определяет приливы и отливы океанов, наводнение и женский биологический цикл, который так важен в жизни бесплодной героини.

Говоря о выборе для героини имени Софьи-Софии, необходимо рассмотреть возможные гностические параллели, глубоко внедренные в символистскую традицию русской литературы начала века¹⁵. София переступает границы, как вода выходит из берегов, — ее толкает на преступление все растущее внутреннее напряжение. По учению гносиса (и в неоплатонизме), кризис миропорядка начался с того, что София (София Пистис) переступила свои границы и, воплотив свои мысли, родила-создала бесформенную субстанцию, женскую фигуру Ахамот таким образом, что из нее (Софии) вылилась ее часть. Здесь нужно указать на тривиальную этимологическую связь слов «мать» и «материя». Ахамот, рожденная в грехе и помешавшая равновесию мира, должна быть изгнана (как Ганька) и исторгнута

¹³ Kerényi K. Mi a mitológia? P. 259–269.

¹⁴ Там же. С. 223–224.

¹⁵ См. об этом: Тиллес О. Образ Софии в «Четвертой симфонии» А. Белого // Russian Literature XXXVII–4, 1995. P. 617–647.

из плеромы. По гносису, грех Софии — похоть, влечение к первому эону. Соответствует этому и ее земное воплощение, спутница мага Симона, Елена, перевоплощенная фигура премудрости божьей, ранее уже жившая в образе Елены Спартанской. В гностическом порядке событий совершенно логично, что замятинская Софья именно после преступления открывается впервые полностью своему мужу — переступила границу и вылилась свободно из своих границ. Как ни странно, в повести и другие мотивы соответствуют гностической логике. Лейтмотив света и тьмы прямолинейно ведет к просветлению: в начале повести София во сне бродит по Смоленскому полю и в темноте не может дойти до того места, где кто-то зажигает спички, она падает (с. 480). Сон повторяется наяву, когда она зарывает труп в землю, но там свет уже мигает много раз: «загорался и потухал огонек — кто-нибудь закуривал папиросу на ветру» (с. 490). Она видит свет в пустом доме, о котором она всегда думала, что «в нем уже больше никогда не будут жить, никогда не будет слышно веселых детских голосов» (с. 483). Ей становится легче в церкви, где «впереди в темноте зажигали свечи», и «Софья вдруг почувствовала, что она еще тоже живая и еще все может перемениться» (483). Так начинается ее борьба за этот луч света. «Дни становились все короче, будто вот-вот, не сегодня завтра, вспыхнут последний раз, как огарок — и темно, конец всему» (с. 494). Свет находится в плену тьмы, в хаосе, и только знание, гносис освободит его, душевную и духовную силу, заключенную в материю, и приведет его обратно в верхнее царство, в небесные сферы. «Ей было страшно, что дни становились все короче, вот-вот догорят совсем, и тогда — конец, и нужно торопиться...» (с. 495) В последней, седьмой главе побеждает белый свет (больница) и даже сияет лампа, сияют глаза докторши, «как глаза детей, когда смотрят на огонь» и блестит ее пенсне (с. 499, 500). Число 7, кстати, весьма знаменательно и в гностицизме. Семь сфер вокруг земли, в них семь планет (включая Солнце и Луну), Ялдабаот создал 7 арконов, которые сотворили из огня, воды и земли второго, земного Адама без знания, и запретили ему есть плод с дерева познания добра и зла. Как видно, грехопадение в гносисе истолковано вовсе не как грех, а как попытка познать истину в борьбе с силами тьмы. Соответственно в роли Евы, которая уговаривает Адама вкусить от запретного плода, очевидно присутствие жизнеутверждающей женской мудрости. Переступление запрета Евой и Адамом открывает дорогу к познанию и заодно к духовным силам света, точно так же, как замятинская Софья открывала себе дорогу к счастью преступлением¹⁶. (Гносис интерпретирует не-

¹⁶ *Kákósy L. Fény és káosz. A kopt gnóosztikus kódexek. Budapest, 1984. P. 85, 98.*

обычно и всемирный потоп. Потоп устроили злые, отрицательные силы, именно в то время, когда человечество встало на истинный путь, и помешали ему.) Пожалуй, рассказ «Как исцелен был инок Эразм» содержит еще более однозначную возможность гностического толкования. Мария Египетская, пришедшая из потустороннего мира, рассеивается в тот момент, когда Эразм раздевает ее. Но познание должна дойти до конца, иначе мир не может успокоиться, и хаос владеет им, «как ночью» (с. 539). И вот Эразму разрешено увидеть «четвертую, последнюю тайну» (с. 540) нежного женского тела, и «память о темных соблазнах бесовских <...> была истреблена, как весенний снег солнцем» (с. 540). Назревающему греху положено исполниться, напряжение должно разрешиться, излиться — иначе все сдвинется со своего места. Как будто для Замятина не только история, процесс развития общества, т. е. «внешнее» движение мира представляется по его теории энтропии, но и «внутреннее» движение человека, душевные процессы. Трехчленный ряд накопления энергии и напряжения, потом взрыва и успокоительного налаживания равновесия охватывает у Замятина жизнь в целом.

Весьма многозначно и греческое имя Трофима Ивановича. «Трофимос» по-гречески «кормилец, оплодотворяющий», но из этого же корня «трофе» (еда) происходит «выращивание, отпрыск, потомство», и даже «питание, материнское молоко»¹⁷.

Обнаружив греческие, библейские, гностические мифологемы в этой повести, вовсе не следует сводить ее толкование к тому или иному мифу. В отличие от символистской традиции здесь нет одной определенной связной философской системы аллюзий или реминисценций. Многочисленные конкретные параллели с общеизвестными мифами мира поднимают психологизм этой повести на уровень общечеловеческой матрицы. В рассказе «Ёла» точно такое же соотношение между психологизмом и мифологическим действием: вода мстит, море становится невестой-смертью, а ёла и есть тот ребенок, которого родил набухающий живот денежной коробки, пока Анна, земная жена, высыхает. В довольно раннем рассказе «Чрево» (1913) многие из основных элементов повести «Наводнение» уже были найдены. Бесплодный женский живот, уподобляемый пересохшей земле, ожидающей дождя (с. 127), а потом беременная женщина, истекающая жизненными соками (там же), предвещают те метафоры, которые впоследствии вписываются в логику новых мифологем.

¹⁷ Дворецкий С. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. Соболевского. М., 1958. Т. 2. С. 1650.

Три фигуры, Софья, Ганька и Трофим Иваныч, связаны так же, как Аврам, Сара и Агарь, а женские образы связаны подобно Деметре и Персефоне, подобно Софии и Ахамот. Действие происходит в этом узком кругу и суживается еще более — уходит в самое Софью. Вот почему все время повторяется, что мир очень далеко. Там, далеко, были война, революция, Колчак, но на этом острове чувств люди те же, что были и будут всегда. Наступает пора бесплодия, как когда-то в Микенах после того, как Атрей, в отмщение брату, подал ему на обед его зарезанных детей. Приходят измена и ревность — и Медея убивает своих детей. В эпоху беспамятства и забвения Замятин выбирает кирпичи, элементы для своих новых мифологем из обширной культурной сокровищницы человечества. Трудно решить, каково назначение столь широкого охвата. С одной стороны, здесь можно уловить стремление к построению новой системы из старых элементов, желание найти в вечно повторяющихся матрицах равновесие и порядок. С другой стороны, из разных мифов выбраны лишь фрагменты; и определенные ситуации (например, грех или бесплодие) можно толковать в разных мифологических контекстах по-разному. В этом смысле повесть скорее показывает невозможность построения системы или нахождения порядка. Последнего числа, последней революции, согласно теории Замятина, нет.

